

ственности за эффективность социальной политики переместилась на места, в регионы. Эффективность механизма воплощения и реализации принятых на законодательном уровне программ и различных законодательных актов напрямую зависит от профессионализма людей, работающих в социальной сфере. В связи с этим, крайне важно обращать особое внимание на формирование профессиональной культуры специалистов данной сферы, постоянное повышение уровня профессиональной подготовки работающих специалистов, а также вовлечение в профессиональное сообщество молодых специалистов, которых сегодня профессионально готовят по этой специальности высшие учебные заведения.

Примечания

¹ Collins J. Social skills training and the professional helper / J. Collins, M. Collins. England; Chichester, 1992. P. 6.

² Никитин В.А. Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов. М., 2002. С. 15.

³ Фирсов М.В. Теория социальной работы. М., 2001. С. 221.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Балагурова О.В. Формирование профессиональной готовности студентов технических ВУЗов к социальной работе. Чита, 2004. С. 15.

*С.В. Романович
(Орск)*

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ ПОДРОСТКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК МЕРА БОРЬБЫ С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ЮЖНОГО УРАЛА)

Урал в годы Великой Отечественной войны был центром промышленного обеспечения фронта. Вся жизнь в этом регионе была подчинена лозунгу «Все для фронта, все для победы!» Вставшая остро в годы войны проблема беспризорности и безнадзорности в это время решалась разными способами. Одна из мер — привлечение подростков для работы на предприятиях оборонной промышленности Южного Урала. Юридическим основанием для этого послужило постановление СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» от 21 мая 1942 г., разрешившее руководителям предприятий принимать лиц, достигших 14-летнего возраста¹. Выполняя это решение, облисполкомы и обкомы партии Южного Урала определяли разнарядки о направлении подростков на производство. По распоряжению Челябинского обкома от 3 июня 1942 г. на военные заводы для трудоустройства было отправлено 1630 воспитанников детских домов 1925–1928 гг. рождения². Однако возрастной ценз часто не соблюдался. Профсоюзной статистикой военного времени было зафиксировано в народном хозяйстве страны около 2,5 млн человек в возрасте до 18 лет, в том числе 712 тыс. подростков от 14 до 16 лет. В составе уральских рабочих группа подростков до 16 лет увеличилась по сравнению с 1940 г. более чем вдвое. При этом 0,35 % от числа рабочих (без учета оборонных заводов) составляли дети до 14 лет³.

Областные партийные комитеты Южного Урала прилагали все усилия для укомплектования освободившихся в связи с призывом в РККА мест на оборонных предприятиях, а также в школах ФЗО и РУ. Но, несмотря на это, планы мобилизации не выполнялись. Например, в 1942/1943 учебном году Челябинской и Курганской

областями он был осуществлен только на 70,9 %, Чкаловской — на 72,5 %. Лучше обстояло дело с набором молодежи (90,8 %) в Башкирии вследствие избытка рабочей силы в сельских районах, но и она не могла выполнить план полностью. Причиной тому являлись мобилизации республиканской молодежи на работу в другие области Урала⁴. Однако проблема была более глубокой. Зачастую местные органы власти стремились обеспечить призыв, привлекая большее количество подростков, чем спускалось по нормам, что достаточно хорошо видно из табл. 1, отображающей результаты призыва только по одной (Чкаловской) области Южного Урала.

Таблица 1

Мобилизация в школы ФЗО, РУ И ЖУ по данным Чкаловской области на 1943 г.

	Должно быть призвано	Отправлено	Прибыло
Школы ФЗО	3721	7006	4538
РУ И ЖУ	1159	1146	759
ИТОГО	4880	8152	5297

Данные табл. 1 позволяют судить о том, что региональные власти осуществляли набор на местах в два раза большего количества школьников, но проблема призыва продолжала оставаться нерешенной. Проведенный Чкаловским облисполкомом анализ существующей проблемы показал, что массовое возвращение по домам мобилизованных происходило из-за несвоевременной подачи вагонов, детям приходилось ожидать посадки от 3 до 7 суток. Некоторые районы (Сорочинский, Белозерский, Пономаревский, Алексеевский Чкаловской области), начав призыв с большим опозданием, вместо широкого разъяснения среди молодежи военно-хозяйственного значения подготовки государственных трудовых резервов, вставали на путь голого администрирования, результатом чего являлись побегі призывников. Так, Сорочинский район оправил 110 чел., а разбежались по пути 41 чел. Белозерский район отправил 55, а в школу ФЗО было доставлено только 31 чел. Ряд районов (Сакмарский, Кувандыкский, Акбулакский, Домбаровский Чкаловской области) пренебрежительно отнеслись к оформлению документов на призванных и направили в школы ФЗО подростков, не достигших соответствующего возраста. Районы Зиянчуриинский, Курманаевский, Шарлыкский направляли призванных без сопровождающих и теряли их в пути⁵. Эти проблемы были типичными для Южного Урала. Следует отметить тот факт, что в последующие годы (1943–1945 г.) стали осуществлять мобилизацию за счет призыва беспризорников, подростков из колоний и ребят из детских домов. Но трудности укомплектования рабочими военных заводов и специальных учебных заведений Южного Урала сохранились. Объяснялось это, в первую очередь, трудными бытовыми условиями жизни, плохим питанием, низкой оплатой труда (даже при условии выполнения и перевыполнения взрослых норм), отсутствием воспитательной работы и уважения к труду подростков. В результате на предприятиях Южного Урала на протяжении всех лет войны сохранялась текучесть молодых кадров. На предприятиях Челябинской области в 1942 г. работало 9,5 тыс. молодых рабочих, окончивших РУ и школы ФЗО, из них 40 % самовольно оставили работу. Например, со строительства № 22 ушло 83 % трудоустроенных подростков, а с шахт-трестов «Челябуголь» и «Копейскуголь» — 70 %⁶.

Многие из таких детей пополняли ряды беспризорников. Анализ причин явления возвратной беспризорности позволяет утверждать, что зачастую это было связа-

но с комплексом существующих проблем. Во-первых, молодых рабочих часто использовали на подсобных работах (сверх норм рабочего времени), переквалифицировали, уменьшая разряды, присвоенные аттестационными комиссиями. Во-вторых, руководители предприятий не хотели заниматься производственным воспитанием молодежи, его часто подменяли массовыми наказаниями через суд. Из архивных материалов следует, что на заводе № 78 отдали под суд 800 молодых рабочих, а в «Магнитстрое» — 1048, причем во многих случаях без достаточных оснований. В-третьих, крайне неудовлетворительно был организован быт рабочих, окончивших РУ и школы ФЗО. Они были вынуждены жить в неотапливаемых помещениях, тесных и грязных общежитиях. Сплошные многоэтажные нары являлись основным оборудованием общежитий ряда предприятий. В некоторых областях оборонные предприятия (трест № 22, завод № 78, завод № 114 и другие) не имели собственных общежитий⁷.

Повсеместно было плохое обеспечение учащихся РУ и школ ФЗО питанием. В школе ФЗО № 1 Кургана молодежь, прикрепленная к столовой горторготдела, отоваривалась на 30–40 %, РУ № 2 Кургана, прикрепленное к ОРСу, — на 50 %. Иная картина наблюдалась в учебных заведениях в системе железнодорожного транспорта, обеспечившего хорошие условия для подростков. Так, в ЖУ № 1 и № 2 Курганской области училища имели свои столовые. Фонды на продовольствие отоваривались на 80–100%⁸. В какой-то мере улучшить питание подростков могла зарплата, которую они получали за работу на предприятиях в ходе производственного обучения. Но зарплата была небольшой, например, в Челябинской области средняя зарплата учащихся школ ФЗО в 1943 г. составила 45 руб. 87 коп., а в училищах — 15 руб. 60 коп. В училищах Башкирии она была еще меньше — 12 руб. 70 коп. Но и эта зарплата чаще всего отчислялась в Фонд обороны Красной армии, так как приобрести что-либо на рынке было практически невозможно из-за очень высоких цен. В конце 1942 г., начале 1943 г. десяток яиц на рынках Урала в среднем стоил 198 руб. 30 коп., литр молока — около 88 руб., 100 г говядины — около 32 руб., свинины — около 38 руб., один килограмм картофеля — около 45 руб., муки ржаной — 114 руб.⁹

Имеющиеся проблемы неизбежно приводили к самовольным уходам и побегам отобилизованной молодежи. Директора школ ФЗО и РУ скрывали действительное количество обучающейся молодежи, чтобы избежать уголовной ответственности. Так, в Челябинской области только в августе 1942 г. самовольно ушло из училищ и школ ФЗО 9,8 тыс., в октябре — 7609 подростков. Такая же картина наблюдалась и в других областях. Например, в Чкаловской области в индустриальном Орске в 1943 г. число самовольных побегов из учебных заведений составляло 15 %, что в целом превышало на 4,5 % текучесть рабочих на предприятиях¹⁰. Согласно приказу Наркомюста СССР, прокурора СССР и Главного управления трудовых резервов при СНК ССР от 4 января 1943 г. за № 2/5–3, все подростки, дезертировавшие из РУ и школ ФЗО, подлежали возврату или привлечению к уголовной ответственности.

После коренного перелома в войне правительство предприняло ряд мер, призванных улучшить положение молодых людей, работающих на производстве. Например, 5 марта 1944 г. постановление СНК СССР «О представлении в военное время подросткам моложе 16-ти лет еженедельного для отдыха и отпусков время» обязывало администрации предприятий обеспечить подросткам гарантированный день отдыха раз в неделю, и очередной отпуск на 12 рабочих дней. Оговаривалась и де-

нежная компенсация вместо отпуска¹¹. Обкомы партии Южного Урала не могли игнорировать постановления СНК СССР, однако выполнять это постановление директоров заводов Южного Урала не спешили, что отражено в табл. 2.

Как мы видим из табл. 2, в крупных промышленных центрах Южного Урала с выполнением постановления СНК СССР от 5 марта 1944 г. дело обстояло лучше, чем в районах, где не все подростки имели возможность воспользоваться своим правом на отдых. Особенно сложное положение было у работающей молодежи в Копейске и Коркино. На шахтах Копейска продолжительность рабочего дня подростков на подземных работах составляла 8–12 часов, а подростки на шахте № 4/6 работали и в ночное время. Выходными днями молодые рабочие, работающие под землей, пользовались нерегулярно. На предприятиях Коркино (разрез № 2) было выявлено девять несовершеннолетних, которые вообще работали без выходных, кроме того, на разрезах № 2 и № 1 подростки работали по 8 и больше часов¹². В целом за 1944 г. на заводах Челябинской области работало 16,5 тыс. подростков, из них за год воспользовались отпуском только 8,6 тыс. чел.¹³ Это 52 % от общего числа работающих подростков. Справедливости ради надо отметить, что Челябинский обком ВЛКСМ провел несколько рейдов по проверке условий работы подростков, что существенно поправило тяжелое положение работающих детей. А на основании отчета за февраль 1945 г. все подростки 16-тилетнего возраста, занятые на работах в системе промкооперации, имели 6-тичасовой рабочий день, регулярно использовали выходной день раз в неделю¹⁴. Однако на металлургических предприятиях, шахтах, оборонных заводах еще долго сохранялись нарушения условий труда, отдыха и быта подростков.

Таблица 2

Выполнение постановления СНК СССР от 5 марта 1944 г.
(по материалам Челябинской области)

Город	Количество работающих на предприятиях подростков	Из них воспользовались двухнедельным отпуском в 1944 году	Из них отдохнули в санатории, доме отдыха, лагере	Соотношение в %
Златоуст	1528	529	107	34,6
Миасс	850	340	100	40
Магнитогорск	1230	450	нет данных	36,6
Катав-Ивановск	1200	460	нет данных	38,3
Копейск	168	50	нет данных	29,8
Коркино	1256	21	нет данных	1,7
Челябинск	3714	2627	389	70,7

Источник: ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1126. Л. 70–71; Тогда была война... 1941–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 2000. С. 186.

Но, несмотря на трудности военного времени, большинство подростков продолжали самоотверженно трудиться. По инициативе комсомола в городах Южного Урала создавались фронтовые бригады. На предприятиях города Чкалова было создано 269 комсомольско-молодежных бригад, из них 93 фронтовых. В бригадах работало более 4 тыс. чел.¹⁵ Численность фронтовых бригад в годы войны постоянно увеличивалась. На Магнитогорском металлургическом комбинате в 1942 г. работало 17 комсомольско-молодежных фронтовых бригад, а к концу войны их было уже 528¹⁶. Молодые рабочие, несмотря на юный возраст, демонстрировали чудеса мастерства. Так, число двухстаночников на Магнитогорском металлургическом комбинате, на

апрель 1945 г. достигло 1447 против 3-х чел. в июле 1941 г. Количество молодых станхановцев и ударников возросло с 1422 чел. (август 1941 г.) до 9450 чел. (апрель 1945 г.)¹⁷. Исключительно большую роль играла молодежь в работе тяжелой промышленности Южного Урала. Например, на Магнитогорском металлургическом комбинате к началу войны работало 3479 молодых рабочих, или 24,3 % от общего количества трудящихся, в том числе специалистов ведущих профессий 19 %. Уже к январю 1945 г. на комбинате подростков было 13774 чел., или 41,4 % от общего количества работающих. Среди работников ведущих профессий молодые рабочие составляли 61 %. Впервые в истории черной металлургии молодежь в возрасте до 18 лет стала работать горновыми, подручными сталеваров, вальцовщиками, машинами сложнейших агрегатов, бригадирами и мастерами¹⁸.

Дети становились одной из главных движущих сил военной экономики страны, особенно это было заметно в крупных промышленных центрах Урала, где катастрофически не хватало рабочих рук. К началу 1945 г. они составили даже в металлургических и машиностроительных отраслях экономики более 10 % всех работающих. Так, на Челябинской ТЭЦ молодежь составляла 43,3 %, в объединении «Магнитострой» из 14,6 тыс. рабочих 3 тыс. были в возрасте от 14 до 17 лет¹⁹.

Привлечение подростков к труду на военное производство позволило не только дать кров вчерашним беспризорникам, но и обучить их рабочим специальностям, которые были необходимы не только в условиях военного времени, но и в дальнейшем, в ходе восстановления разрушенного войной хозяйства.

Примечания

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, М., 1957. Т. 2. С. 725; КПСС в резолюциях в 9 томах. М., 1985. Т. 7. С. 281–282.

² Общество и власть. Российская провинция 1917–1985. Документы и материалы (Пермь, Свердловск, Челябинская область): В 6-и тт. Челябинская область. Документы и материалы. Т. 1: 1917–1945. Челябинск, 2005. Челябинск, 2005. С. 461.

³ Палещих Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны, Челябинск, 1995. С. 10.

⁴ Павленко Г.К. Юные гвардейцы тыла, Челябинск, 2004. С. 21.

⁵ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 46.

⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 249. Л. 269.

⁷ Там же. Л. 269.

⁸ Павленко Г.К. Юные гвардейцы тыла. Челябинск, 2004. С. 91–92.

⁹ Там же. С. 9–94.

¹⁰ Там же. С. 10–103.

¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, М., 1957. Т. 2. С. 826.

¹² ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1126. Л. 71.

¹³ Тогда была война... С. 184.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1203. Л. 6.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 184. Л. 3.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1173. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1173. Л. 4.

¹⁹ Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996. С. 139.